

Она лежала на боку под обступавшими ее мхом и ветками.

Над головой жужжали комары, она тяжело дышала, ей оставалось всего пара вдохов до потери сознания. Глаза устремились к небу, к невесомым облакам со светящимися розовыми и оранжевыми краями.

Стояло теплое время года. Когда всегда светло.

Уже несколько дней ее преследовало зловоние от инфекции, но погибнет она от другого. И не от отсутствия пищи, голода. Она сыта. Впервые за долгое время.

Рана так и не зажила, как ни старалась она ее очистить. Зараза и жар распространились вверх по конечности. Стая приоровилась двигаться в ее темпе. На время. Трое из ее детенышей последовали за остальными, а с ней остался самый младший. Обреченный на гибель.

Она больше не могла охотиться, а он так и не успел научиться.

О молодых лосях, легкой добыче в светлое время года, не могло быть и речи. Даже мелкая добыча ускользала от нее. Время ягод, которые в экстренном случае могли приглушить голод, еще не пришло. Вчера они нашли немного мяса, спрятанного в лесу, запах которого

инстинктивно подталкивал ее к бегству, но дал им силы продвинуться дальше. До опушки со скалистым утесом, где они нашли еще. Гораздо больше. Крупные куски — столько, сколько им не съесть.

Так она, прихрамывая, продолжила путь вместе с самым младшим детенышем, пока он не замедлил шаг, начал стонать, покачиваясь и отклоняясь в сторону, и постепенно выбился из сил.

Она оставалась рядом, пока не удостоверилась, что он мертв, а потом двинулась дальше. Прошла она немного. Спазмы и судороги не дали ей двигаться. Она упала посреди мха и осталась лежать на боку.

В тепле. Под светлым небом. Когда всегда светло.

Все прошло по плану.

По крайней мере, по первоначальному плану.

Первыми прибыть на место, припарковать «Джип» и рядом вплотную черный «Мерседес» на открытом пространстве посреди леса со следами от лесовозов и валочных машин, которые здесь грузились и разворачивались, встать носом к узкой лесной дороге, по которой они сюда приехали. Стекла опущены, тишину нарушало лишь ночное пение птиц, пока шум двигателя не возвестил о прибытии финнов.

Показалась черная «Вольво ХС90». Вадим увидел, как Артем с Михаилом взяли оружие и вышли из «Мерседеса», одновременно он сам вместе с Любой покинул «Джип». Люба ему нравилась, и, как ему казалось, он ей тоже. Они пару раз встречались и пили вместе пиво, а когда ее спросили, с кем она хочет поехать, она выбрала его. Мгновение он колебался, не предложить ли ей остаться в машине, спрятаться, ведь он предчувствует, что все может пойти не так. Но если бы он это сделал, как поступить дальше?

Вместе исчезнуть? Жить долго и счастливо?

Без вариантов — осознав произошедшее, она бы никогда не пошла против Загорного. Вадим точно знал, что не так сильно ей нравится. Поэтому промолчал.

«Вольво» остановилась в паре метров от них, из нее вышли четверо финнов. Все при оружии. Рассредоточиваясь, они подозрительно осматривались.

Полное спокойствие.

Затишье перед бурей.

Лидер группировки, рослый мужчина с короткими волосами ежиком и татуировкой в стиле «трайбл» вокруг глаза, кивнул самому низкорослому и щуплому из четверки — тот вложил пистолет в кобуру, зашел за «Вольво» и открыл багажник. Вадим в свою очередь попятился, на пару шагов приблизившись к багажнику «Джипа».

Пока это был их общий план.

Теперь его личный.

Пуля из винтовки с глушителем прошла у стоявшего ближе всех к машине большого финна под глазом. Мгновенно разлетевшиеся кости, кровь и мозги, когда секунду спустя пуля нашла выход через затылок, заставили остальных действовать инстинктивно.

Все просто начали одновременно стрелять.

Все кроме Вадима, который бросился за «Джип».

Мужчина с татуировкой на лице громко заревел и мгновенно уложил Михаила четырьмя или пятью смертельными выстрелами в грудь. Артем открыл ответный огонь. Две пули попали в татуированного, который, качнувшись назад, но устояв, направил оружие на слишком поздно укrywшегося за «Мерседесом» Артема. Несколько пуль пробили ногу от бедра и ниже. Крича от боли, Артем упал на сухой гравий. Истекая кровью, крича и стреляя, мужчина с татуировкой про-

должал двигаться к «Вольво», твердо решив выбраться отсюда живым. Через секунду он, клокоча, упал на колени, выпустил оружие и двумя руками схватился за то, что осталось от его шеи.

Где-то раздавались другие выстрелы и были слышны чьи-то крики.

Артем с трудом принял сидячее положение, тщетно пытаясь остановить хлеставшую из бедра кровь. Последовала еще серия выстрелов, он оцепенел, отчаяние во взгляде сменилось пустотой, губы сложились в несколько беззвучных слов, прежде чем он упал вперед с повисшей на грудь головой.

Третий финн успел спрятаться в неглубокой канаве, откуда имел хороший обзор в просвет под припаркованными машинами, и плотная очередь из его автомата угодила Артему в поясницу. Вадима осенило, что и он находится на виду, и он нашел укрытие за одним из больших колес «Джипа». Оказавшись сбоку от автомобиля, он увидел на земле труп самого маленького из четырех финнов.

Любу не видно.

Из канавы на опушке послышалась серия выстрелов и пули ударились о металл на задней стороне колеса, пробивая шину. Одна из пуль прошла сквозь резину и попала Вадиму в бок, прямо над ягодицей. Боль словно электрический разряд пронзила тело. Он сдержал крик, опустил лоб на колени, стараясь стать как можно более незаметным. Когда он снова медленно выдохнул, то понял, что огонь прекратился.

Стояла тишина. Полная тишина.

Ни единого движения, ни голосов, ни криков боли или ярости, ни пения птиц — ничего. Как будто само место задержало дыхание.

Он осторожно посматривал вперед из-за «Джипа».

По-прежнему тишина. По-прежнему ни единого движения.

Он медленно-медленно высунул голову, чтобы лучше все разглядеть. Солнце — за вершинами деревьев, над горизонтом. Представшая перед ним сцена утопала в мягком свете, который бывает только от полудночного солнца в полярный день.

Не спеша он поднялся — в мышцах и связках оставалась пуля, но, похоже, не задела важных органов. Он приложил ладонь к ране. Идет кровь, но не так сильно, чтобы он не смог завязать рану.

— Люба?

Она сидела, прислонившись к заднему бамперу автомобиля финнов; прерывистое дыхание, пропитанная кровью передняя сторона серой футболки под курткой, пистолет в правой руке. Вадим внимательно посмотрел на раны. Кровь вытекала равномерно — артерии не задеты. Пузырьков воздуха нет, значит, скорее всего, легкие целы. Вполне вероятно, что она могла бы и выжить.

— Кто стрелял? — задыхаясь, спросила она и окровавленной рукой схватилась за куртку Вадима. — Кто, черт побери, начал стрелять?

— Он с нами.

— Чего? Что значит с нами? Кто?

— Иди сюда.

Он осторожно забрал у нее пистолет, сунул в карман, а затем встал, наклонился и помог ей подняться. Она сморщилась от боли и напряжения, но выпрямилась. Придерживая ее за талию и положив ее руку себе на плечи, Вадим вышел на открытое пространство между припаркованными машинами. Поровнявшись с местом падения того финна с татуировкой, Вадим аккуратно снял руку Любы, отпустил ее талию и сделал два широких шага в сторону.

— Прости...

Сначала непонимающий взгляд Любы, но потом осознание того, что он совершил, куда привез ее, прямо перед тем как пуля из винтовки с глушителем попала в висок и Любу отбросило на землю.

Вадим прижал руку к ране у поясницы и потянулся, выдыхая набранный глубоко в легкие воздух.

Однако все прошло по плану.

Город просыпается.

Как она делает всегда. Всегда делала.

Фридрихсгамский мир 1809 года. Простым росчерком пера Швеция потеряла третью часть территории и четверть населения. Российская империя получила Финляндию, а вместе с ней город Турнио, на тот момент крупнейший центр торговли в регионе. Новая граница прошла по середине реки, и Швеция вдруг осталась без города на этой территории. Все сходились на том, что город нужен, но где он должен находиться? Предложений было немало, а споры велись долго. Пока люди пытались договориться, она терпеливо ждала — из деревушки с парой дворов превратилась в поселок, и наконец была провозглашена городом. 1842 — год ее рождения.

Хапаранда от финского Naaparanta, по-шведски Аспстранд, «осиновый берег».

Наступили хорошие годы, когда она росла как на дрожжах. Дела у нее шли наилучшим образом, в то время как другие переживали самые трудные для них времена. Есть свои преимущества в том, чтобы быть нейтральным пограничным городом в охваченном войной мире. Худо-бедно она оставалась единственными открытыми в Россию воротами. Игольным ушком между востоком и западом.

Товары, письма, продукты, люди.

Грузы: легальные, нелегальные, живые, ценные, опасные.

Через нее шел весь мировой трафик — неважно, что перевозилось. Она цвела. Процветала.

Сегодня она немного поникла. Ведет, очевидно, более спокойную жизнь. Медленно сжимается. Полного краха не случается, но каждый год в ней умирают и покидают ее больше людей, чем рождаются и приезжают.

Она хорошо знает своих жителей. Делит их жизнь, все видит и знает. Помнит и ждет с нетерпением. Нуждается в каждом. Она — город и существует, только пока люди решают жить в ней. Словно бог, который перестает существовать в ту же секунду, как все перестают верить.

Поэтому, молча и терпеливо простираясь вдоль вечного течения реки, она приветствует новых жителей и оплакивает ушедших.

Мест для парковки было предостаточно, так что Ханна выбрала одно свободное, ближе всего к магазину «Стадиум», вышла из машины и огляделась, заправляя рубашку в форменные брюки. Уходя из отделения полиции, она почувствовала прилив жара, и хоть он и длился пару минут, но она продолжала ощущать, как горит лицо, а по спине течет пот.

Погода не особенно помогала.

Тринадцать дней подряд стояла жара и необычная для июня температура выше двадцати; у торгового центра около трассы Е4 было спокойнее чем обычно, а расположившиеся там в ряд десятки магазинов надеялись, что и им достанется немного силы притяжения «ИКЕА». Сегодня дела шли так себе, отметила Ханна, автоматически бросив взгляд на автомобиль, и про-

делала остававшиеся до входа в спортивный магазин пару шагов.

Внутри прохладнее, чем снаружи. Редкие покупатели рассредоточены среди стальных вешалок с этикетками, возвещавшими, что товары на них теперь на 40—70 процентов дешевле. Ханна подняла руку, приветствуя женщину за кассой. Не знакома с ней, но знает, кто она. Тарья Бурелль, замужем за Харальдом, младшим братом Карин со стойки администрации. Тарья ответила на приветствие и кивнула вглубь магазина. Ханна сразу увидела, из-за кого она тут.

Молодой мужчина — его она тоже узнала. Йонатан, отзывается на Йонте, фамилию она сразу не вспомнила, значит, он не из самых частых гостей в камере. Она прошла дальше к сваленным друг на друга обувным коробкам у стены, где было выставлено их содержимое. Молодой мужчина, покачиваясь, шагнул к паре тридцатилетних, которые постарались от него уклониться, но при этом не дать ему их прогнать, так что просто-напросто сделали вид, что его не существует.

— Можно вас на минуточку?

Йонте обернулся к Ханне. Если восковое лицо и дерганные движения не известили бы ее о том, что она имеет дело с женщиной с сильной абстиненцией, то расширенные зрачки сомнений не оставляли. Вероятно, героин. Или Субутекс. Доступ к нему и, следовательно, злоупотребление сильно выросли за последние годы.

— Что? — с возмущением выдавил из себя молодой мужчина, шмыгнув носом.

— Мне просто нужно с вами поговорить, пройдите за мной на улицу.

— Я ничего не сделал.

— Это мы всегда можем обсудить. На улице.

Она коснулась его плеча, а он так резко оттолкнул ее руку, что почти потерял равновесие и вынужденно, чтобы не рухнуть, шагнул назад,

— Отвалите от меня! Я просто прошу денег, — продолжил он, дернув плечом, от чего весь драматизм испарился. — Побираюсь. Это не... это законно.

— Окей, но когда вам ничего не дают, что вы тогда делаете?

— А что, о чем вы?

Ханна заметила, как он с трудом пытается сфокусировать блуждающий взгляд.

— Вы грозитесь их избить.

— Ааа, это... я это не сделал...

— Да, но нельзя просто разгуливать и угрожать людям, так что пройдемте.

Она снова положила ладонь ему на плечо, и реакция оказалась такой же как в прошлый раз — резкое движение назад, которое, по-видимому, стало полной неожиданностью для остальных частей тела.

— Уберите свои лапы!

— Без проблем, — ответила Ханна, убирая руку. — Тогда выйдете со мной на улицу?

— Да, но не трогайте меня.

Ханна шагнула вбок и показала рукой, чтобы он шел впереди нее. Покачиваясь, он медленно двинулся к выходу. Когда они проходили мимо ящика с фирменными трусами, он резко схватил несколько упаковок и неуклюже попытался запихнуть их под тонкую куртку.

— Вы серьезно? — устало возмутилась Ханна. — Думаете, я собаку-поводыря забыла на улице?

— Что такое? — отреагировал, казалось, ничего не понимающий Йонте. Ханна со вздохом подошла, взяла белье и кинула его обратно в ящик. Резкий толчок

в спину давал понять, что с нее хватит. Он вроде все понял и послушно направился к выходу.

Когда они вышли на яркое солнце, он притормозил и поднял руку для защиты своих чувствительных к свету глаз. Очередной толчок направил его в сторону припаркованной полицейской машины. На полпути он остановился и, прижав руку к животу, немного наклонился вперед. На лбу проступили крупные капли пота.

— Мне хреново.

— Потому что вы пихаете в себЯ кучу дерьма.

Йонте не ответил, но Ханне показалось, что она увидела слабый кивок, прежде чем Йонте двинулся вперед.

Она посадила его на заднее сиденье, и вскоре они отправились в путь. Ее взгляд упал на собственные руки. Обручальное кольцо, конечно, теперь сидит немного плотнее, чем когда она впервые надела его на безымянный палец, и нет ни малейшего шанса, что она влезла бы в свое свадебное платье, если бы ей это зачем-то понадобилось, но пальцы у нее не толстые. Она сама не толстая. Живот за последний год немного округлился, но пару недель назад она нашла в интернете калькулятор, куда вбиваешь рост и вес и узнаешь свой ИМТ*. У нее — 27. Она задумалась, не поделиться ли с мужчиной на заднем сиденье забавным фактом, что ее ИМТ равен его IQ. Взгляда в зеркало заднего вида хватило, чтобы понять, что в таком случае ее бы никто не услышал — пассажир на заднем сиденье свесил голову на грудь, будто заснул.

Поездка продолжалась в тишине. Вскоре они оказались на другой стороне E4, направляясь в более-менее пустынный центр. Клиенты большой мебельной компании редко добирались до исторического центра, ко-

* Индекс массы тела.

торый кое-как сводил концы с концами по другую сторону Европейской трассы — в определенном отношении такой же линии раздела, как находящаяся в паре сотен метров граница с Финляндией.

Она свернула налево около красного двухэтажного здания редакции местной газеты «Хапарандабладет», которая сейчас выходит лишь два раза в неделю, и подъехала к довольно безликому вытянутому трехэтажному зданию из желтого кирпича, где располагалась полиция в компании с налоговой, страховой и другими службами.

Она припарковалась на одном из двух оставшихся свободных мест в паркинге, вышла из машины, наклонилась к заднему сиденью и потрясла мужчину, приведя его в чувство. Он с трудом покинул автомобиль и сам, без ее указаний, направился к двери в изолятор. Внезапно он остановился, оперся одной рукой о капот и застонал. Ханна как раз достаточно поравнялась с ним, чтобы увидеть его пустой взгляд. Без малейшего предупреждения мощная струя рвоты угодила ей прямо под подбородок, сквозь ткань Ханна почувствовала тепло, стекавшее вниз по рубашке. Вонь мгновенно ударила ей в нос.

— Да черт побери!

Она успела шагнуть в сторону, так что следующая крупная порция приземлилась на пол рядом с ней и лишь запачкала обувь и нижнюю часть брюк.

Молодой мужчина выпрямился, глубоко вздохнув и с облегчением улыбнувшись. Стараясь делать небольшие короткие вдохи ртом, Ханна толкнула дверь в маленькое помещение, где задержанных регистрировали и затем отправляли в одну из четырех камер, которые оказались сегодня пустыми. Задержанную на прошлой неделе за хранение наркотиков женщину